

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС

ПОЛКОВНИКУ НИКТО НЕ ПИШЕТ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.134.2 (7/8)

ББК 84 (7Кол)

Г21

Серия «Эксклюзивная классика»

Gabriel García Márquez

EL CORONEL NO TIENE QUIEN LE ESCRIBA

Перевод с испанского Ю.В. Ванникова

Серийное оформление Е. Фerez

Печатается с разрешения Stars and Movies Copyright B.V.
и литературного агентства Agencia Literaria
Carmen Balcells, S.A.

Гарсиа Маркес, Габриэль.

Г21 Полковнику никто не пишет : [повесть] / Габриэль Гарсиа Маркес; [пер. с исп. Ю.В. Ванникова]. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 125, [3] с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-082808-1

Прежде чем опубликовать эту повесть, Габриэль Гарсиа Маркес переписывал ее десяток раз и добился своего: по своей емкости и силе она не имеет себе равных во всей латиноамериканской прозе.

Внешне ее сюжетная канва незатейлива — всего лишь сменилась в латиноамериканской стране в очередной раз власть, очередные столичные коррупционеры в который раз наживаются состоянием — а герой давно пролетевшей гражданской войны, престарелый полковник в отставке, влачит в маленьком провинциальном городке полунищенское существование...

Но его история, история маленького человека, в одиночку отстаивающего свое достоинство, становится историей преодоления одиночества, произвола и абсурда, царящих в мире.

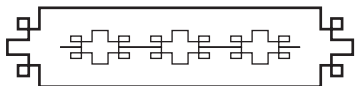
УДК 821.134.2 (7/8)

ББК 84 (7Кол)

© Gabriel García Márquez, 1961

© Перевод. Ю.В. Ванников, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Полковник открыл жестяную банку и обнаружил, что кофе осталось не больше чайной ложечки. Он снял с огня котелок, выплеснул половину воды на земляной пол и принялся скоблить банку, вытряхивая в котелок последние крупинки кофе, смешанные с хлопьями ржавчины.

Пока кофе варился, полковник с видом доверчивого ожидания сидел около печки и прислушивался к себе. Ему казалось, что его внутренности прорастают ядовитыми грибами и водорослями. Стояло октябрьское утро. Одно из тех, что трудно пережить даже такому человеку,

как полковник, а ведь сколько он их пережил! Вот уже пятьдесят шесть лет — столько прошло после гражданской войны — полковник только и делал, что ждал. И октябрь был в числе того немногого, чего он дождался.

Жена полковника, увидев, что он входит в спальню с кофе, подняла москитную сетку. Этой ночью ее мучил приступ астмы, и теперь она была в сонном оцепенении. И все же приподнялась, чтобы взять чашку.

— А ты?

— Я уже пил, — солгал полковник. — Там оставалась еще целая столовая ложка.

В этот момент раздались удары колокола. Полковник вспомнил о похоронах. Пока его жена пила кофе, он отцепил гамак, в котором спал, скатал его и спрятал за дверь.

— Он родился в двадцать втором году, — сказала женщина, думая о покой-

нике. — Ровно через месяц после нашего сына. Шестого апреля.

Она дышала тяжело, прерывисто, отпивая кофе маленькими глотками в паузах между глубокими вздохами. Ее тело с тонкими, хрупкими костями давно утратило гибкость. Затрудненное дыхание не позволяло ей повышать голос, и потому все вопросы звучали как утверждение. Допив кофе, она все еще думала о покойнике.

— Ужасно, когда тебя хоронят в октябре, правда? — сказала она.

Но муж не обратил внимания на ее слова. Он открыл окно. Во дворе уже хозяйничал октябрь. Разглядывая сочную густую зелень, следы дождевых червей на мокрой земле, полковник вновь всеми внутренностями ощутил его мокрую пагубность.

— У меня даже кости отсырели, — сказал он.

— Зима, — ответила жена. — С тех пор, как начались дожди, я твержу тебе, чтобы ты спал в носках.

— Я и сплю в носках уже целую неделю.

Шел мелкий, докучливый дождь. Полковник был бы не прочь завернуться в шерстяное одеяло и снова улечься в гамак. Но надтреснутая бронза колоколов настойчиво напоминала о похоронах.

— Да, октябрь, — прошептал он, отходя от окна. И только тут вспомнил о петухе, привязанном к ножке кровати. Это был бойцовый петух.

Полковник отнес чашку на кухню и завел в зале стенные часы в футляре из резного дерева. В отличие от спальни, слишком тесной для астматика, зал был широким, с четырьмя плетеными качалками вокруг покрытого скатертью стола, на котором красовался гипсовый кот. На стене, напротив часов, висела картина —

женщина в белом тюле сидела в лодке, окруженная амурами и розами.

Когда он кончил заводить часы, было двадцать минут седьмого. Он отнес петуха на кухню, привязал его у очага, сменил в миске воду, насыпал пригоршню маиса. Через дыру в изгороди пролезли несколько ребятишек — они сели вокруг петуха и принялись молча его рассматривать.

— Хватит смотреть, — сказал полковник. — Петухи портятся, если их долго разглядывать.

Дети не пошевелились. Один из них заиграл на губной гармонике модную песенку.

— Сегодня играть нельзя, — сказал полковник. — В городе покойник.

Мальчик спрятал гармонiku в карман, а полковник пошел в комнату переодеться к похоронам.

Из-за приступа астмы жена не выгладила ему белый костюм, и полковнику не оставалось ничего другого, как надеть

черный суконный, который после женитьбы он носил лишь в исключительных случаях. Он с трудом отыскал костюм на дне сундука, где тот лежал, завернутый в газеты и пересыпанный нафталином. Жена, вытянувшись на кровати, продолжала думать о покойнике.

— Сейчас он наверняка уже встретился с Агустином, — сказала она. — Только бы не рассказывал Агустину, как нам пришлось после его смерти.

— Должно быть, спорят там о петухах, — предположил полковник.

Он нашел в сундуке огромный старый зонт. Жена выиграла его в лотерею, проводившуюся в пользу партии, к которой принадлежал полковник. В тот вечер они были на спектакле; спектакль шел под открытым небом, и его не прервали даже из-за дождя. Полковник, его жена и Агустин — ему тогда было восемь лет — укрылись под зонтом и досидели до самого конца. Теперь Агустина нет в живых, а

белую атласную подкладку зонта съела моль.

— Посмотри, что осталось от нашего клоунского зонта, — произнес полковник свою излюбленную фразу и раскрыл над головой сложную конструкцию из металлических спиц. — Теперь он годится только для того, чтобы считать звезды.

Он улыбнулся. Но женщина даже не взглянула на зонт.

— И так — все, — прошептала она. — Мы гнием заживо. — Она закрыла глаза, чтобы ничто не мешало ей думать о покойнике.

Кое-как побрившись — зеркала уже давно не было, — полковник молча оделся. Брюки, тесно, как кальсоны, облегавшие ноги, застегивались у щиколоток и стягивались на талии двумя хлястиками, которые продевались через позолоченные пряжки. Ремня полковник не носил. Рубашка цвета старого картона и твер-

дая, как картон, застегивалась медной пуговицей, на которой держался и воротничок. Но воротничок был порван, поэтому полковник решил не надевать галстука.

Полковник одевался так, будто выполнял какой-то торжественный ритуал. Его костлявые руки туго обтягивала прозрачная кожа, усеянная красными пятнами — такие же пятна были на шее. Прежде чем надеть лакированные ботинки, он соскреб с них грязь, прилипшую к рантам. Взглянув на него, жена увидела, что полковник одет, как в день свадьбы. И тут она заметила, как сильно постарел ее муж.

— Как ты нарядился, — сказала она. — Словно произошло что-то необычное.

— Конечно, необычное, — сказал полковник. — За столько лет первый человек умер своей смертью.

К девяти часам дождь перестал. Полковник уже собрался выходить, но жена придержала его за рукав.

— Причешись.

Он попробовал пригладить роговым гребнем свою щетину стального цвета. Но из этого ничего не получилось.

— Должно быть, я похож на попугая, — сказал он.

Женщина внимательно осмотрела мужа. Подумала: нет, он не похож на попугая. Это был крепко свинченный, сухой человек. Но он не походил и на тех стариков, которые кажутся заспиртованными, — его глаза были полны жизни.

— Все в порядке, — произнесла она. И, когда муж выходил из комнаты, добавила: — Спроси у доктора, его что, кипятком ошпарили в нашем доме?

Они жили на краю маленького городка в домике, крытом пальмовыми листьями и с облупленными стенами. Было по-прежнему сыро, хотя дождь уже не шел. Полковник спустился к площади по переулку, где дома лепились один к другому. На центральной улице он вдруг почувс-

твовал озноб. Весь городок, насколько хватал взгляд, был устлан цветами, словно ковром. Женщины в черном, сидя у дверей, поджидали процессию.

Когда полковник пересекал площадь, снова заморосил дождь. Хозяин бильярдной выглянул в открытые двери своего заведения и крикнул, взмахнув руками:

— Полковник, подождите, я одолжу вам зонт.

Полковник ответил, не повернув головы:

— Спасибо, мне хорошо и так.

Покойника еще не выносили. Мужчины в белых костюмах и черных галстуках стояли под зонтами у входа. Один из них заметил полковника, перепрыгивающего через лужи на площади.

— Идите сюда, кум, — крикнул он, предлагая полковнику место под зонтом.

— Спасибо, кум, — ответил полковник.

Но приглашением не воспользовался. Он сразу вошел в дом, чтобы выразить соболезнование матери покойного. И тотчас почувствовал запах множества цветов. Ему стало душно. Он начал протискиваться сквозь толпу, забившую спальню. Кто-то уперся рукой ему в спину и протолкнул в глубину комнаты мимо вереницы растерянных лиц, туда, где чернели глубокие и широко вырезанные ноздри покойника.

Мать сидела у гроба, отгоняя мух веером из пальмовых листьев. Другие женщины, одетые в черное, смотрели на труп с таким выражением, с каким смотрят на течение реки. Вдруг в толпе послышался голос. Полковник отстранил какую-то женщину, наклонился к матери покойного, положил руку ей на плечо. Стиснул зубы.

— Мое глубокое соболезнование.

Мать не подняла головы. Она открыла рот и завывала. Полковник вздрогнул.